

УДК 341.231.14
ББК 67.400.32

«ТОЧЕЧНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ» КАК МЕТОД ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: ЭТИКО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Кальченко Наталья Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и прав человека
Волгоградской академии МВД России
kalchenko_nv@mail.ru
ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Раскрыто содержание «точечной ликвидации» как одного из методов противодействия терроризму, получившего неоднозначную оценку мировой общественности. Предпринята попытка анализа его этической стороны. Дана оценка данному методу с позиции международного и российского права.

Ключевые слова: противодействие терроризму, «точечная ликвидация», права человека, международный вооруженный конфликт, субъект противодействия террору.

В современном мире терроризм представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для общества. Степень жестокости и аморальности этого явления настолько велика, что стимулирует стремление каждого из государств, столкнувшихся с проблемой террора, к активному противодействию ему. Между тем практические усилия в данном направлении в большинстве случаев порождают сложную дилемму: как совместить эффективные методы защиты национальной безопасности с обязанностью соблюдения прав и свобод человека? Международные и национальные правозащитные организации неоднократно высказывали озабоченность жестокостью методов, применяемых рядом стран в процессе борьбы с терроризмом.

На сегодняшний день предметом жарких дискуссий выступает метод, именуемый «точечной ликвидацией», суть которого заключается в целенаправленном физическом уничтожении отдельных организаторов и исполнителей террористических актов (причем нередко за пределами территории пострадавшего от их деятельности государства), задер-

жание которых с целью последующего привлечения к уголовной ответственности представляется крайне затруднительным. «Точечные ликвидации» рассчитаны на то, что устранение активистов террористических организаций снизит эффективность организаций в целом. Кроме того, они призваны играть роль устрашающего фактора, превентивно воздействующего на сознание потенциальных террористов.

Указанный метод активно используется США и Израилем, в ходе контртеррористических операций на территории Чеченской Республики к нему прибегала Россия. Можно констатировать, что на сегодняшний день в сознании цивилизованного социума сформировались две абсолютно полярных позиции в отношении допустимости «точечной ликвидации».

Аргументы этического характера, оправдывающие ликвидацию в качестве насилия, вершимого во имя добра, его сторонники выстраивают по образу и подобию уголовно-правового института крайней необходимости. Иными словами, предлагается признание этически приемлемым деяния, причиняющего

вред одному лицу, но при этом выступающего единственно возможным условием предотвращения гибели десятков или даже сотен других лиц. Аксиологический характер проблемы обуславливает необходимость ее разрешения посредством морального выбора между сохраняемыми и приносимыми в жертву благами нематериального характера, к числу которых относятся жизнь, общественная безопасность, авторитет государства, гуманизм как этический и правовой принцип и т. д.

Между тем эта на первый взгляд прочная теоретическая конструкция явно начинает утрачивать свою устойчивость, как только вслед за превентивной функцией «точечной ликвидации» мы начинаем анализировать и вторую ее функцию – карательную. В этом ракурсе ликвидация как акт возмездия начинает приобретать черты «внесудебной казни». Практика внесудебных казней как грубейшего нарушения права на жизнь получила резкое осуждение на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 19 декабря 2006 года [10].

Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций, принятая в виде резолюции 8 сентября 2006 г., утверждает обязанность государств обеспечивать, чтобы «любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, соответствовали их обязательствам по международному праву, в частности нормам в области прав человека, беженскому праву и международному гуманитарному праву» [1].

Примечательно, что сторонники «точечной ликвидации» нередко пытаются приравнять борьбу с террором к войне. Заметим, что в международном праве существуют два понятия: «международный вооруженный конфликт» [2] и «немеждународный вооруженный конфликт» [3]. Правовая основа силовой деятельности государства в условиях каждого из них имеет свои специфические особенности. При наличии конфликта первого типа действия по уничтожению террористов могут быть признаны морально оправданными, поскольку они направлены против лиц, являющихся врагами государства и к тому же использующих запрещенные методы ведения войны. Но и действия со стороны государства должны осуществляться не произвольно, а в соответствии

с правовыми рамками, установленными для вооруженных конфликтов международного характера. Можно утверждать, что государство, борющееся с террором, имеет легитимное основание для использования любых средств и методов уничтожения своего противника, кроме тех, что попадают под прямой запрет международного права. В частности, Дополнительным протоколом № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, установлен запрет применения оружия, снарядов, веществ и методов ведения военных действий, способных причинить излишние повреждения или излишние страдания [2]. Как показывает практика, в большинстве случаев средства и методы «точечной ликвидации» не влекут причинения излишних страданий; данное обстоятельство позволяет признать ее допустимым актом борьбы с терроризмом. Заметим, что государство при этом избавлено от необходимости соотносить свои действия с соответствующими национальными правовыми институтами, устанавливающими условия правомерности вредоносных действий (например, институтом необходимой обороны либо институтом причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление). Однако следует иметь в виду, что для признания приемлемости подобного метода необходимо, чтобы террористическая деятельность осуществлялась на территории государства, вступившего в открытый вооруженный конфликт с другим государством.

Возможно ли применение «точечной ликвидации» в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера при условии, что террористы уничтожаются государством на его собственной территории, а не за ее пределами? В соответствии с положениями Дополнительного Протокола № 2 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, необходимо, чтобы конфликт возник «между вооруженными силами государства и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее тер-

ритории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия» [3]. Заметим, что речь идет о длительных конфликтах масштабного характера, поскольку в ч. 2 ст. 1 Протокола № 2 отмечено, что этот международный акт не применяется «в случаях нарушения внутреннего распорядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таких, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера...» [там же].

С позиции российского законодательства противоправные действия субъектов международного вооруженного конфликта в большинстве случаев квалифицируются как «участие в незаконном вооруженном формировании». Довольно часто в ходе противостояния государству они сопровождаются террористической деятельностью. Следует обратить внимание на содержание положений Протокола № 2, устанавливающих запрет убийства лиц, именуемых «жертвами конфликта». Толкование этого понятия в данном акте отсутствует, однако из его текста следует закономерный вывод о том, что признать подобный статус за представителями противоборствующих с государством сил можно лишь в том случае, если они прекратили участвовать в конфликте, добровольно сложив оружие либо будучи задержанными властями. Следовательно, физическое уничтожение террористов, продолжающих участие в конфликте в качестве участников незаконных вооруженных формирований, с позиции международного права теоретически допустимо. Заметим, что на оценку правомерности подобного действия не будет влиять возможный временной разрыв между совершенным террористическим актом и уничтожением его организаторов и (или) исполнителей.

Данная позиция нашла отражение и в положениях Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Статья 2 конвенции, с одной стороны, устанавливает обязанность государств осуществлять охрану и защиту права на жизнь, а с другой – констатирует, что лишение жизни не рассматривается как совершенное в нарушение данной статьи, если оно является результатом применения силы, не более чем абсолютно необходимой для достижения ряда целей, среди

которых – «подавление бунта или мятежа» [4]. Можно с большой долей уверенности предположить, что государства Европы готовы поставить знак равенства между понятиями «вооруженный конфликт немеждународного характера» и «мятеж», так как конфликты указанного типа часто сопряжены с посягательством на основы конституционного строя и безопасность государства.

Вместе с тем вопросы правовой регламентации действий, предпринимаемых государством в отношении членов незаконных вооруженных формирований, в том числе использующих методы террора, не теряют своей остроты. Очевидно, что они не могут решаться исключительно посредством норм международных договоров, несмотря на придание им Конституцией России статуса составных элементов ее правовой системы. Положения Протокола № 2 задают вектор правовой политики государства в данной области, однако в их задачу не входит детальное упорядочение действий субъектов, уполномоченных на применение силы. Оптимальный путь решения проблемы усматривается в создании государством новой модели особого правового режима, предназначенного для введения на территории, где разворачиваются боевые действия между федеральными силами и незаконными вооруженными формированиями. Тщательно продуманная законодательная регламентация мер государственного силового воздействия, построенная с учетом требований Протокола № 2, позволит избежать нарушений прав человека.

Если вооруженный конфликт, имеющий форму террористической борьбы, не попадает в сферу деятельности Протокола № 2, то его можно считать осуществляемым в условиях мирного времени. Следовательно, противодействие со стороны государства должно быть регламентировано внутренним законодательством, которое, в свою очередь, должно учитывать положения международных договоров и международных актов рекомендательного характера.

Следует отметить принципиальное отличие в природе принуждения, применяемого государством по отношению к противнику в условиях вооруженного конфликта, и принуждения, выступающего средством поддержания правопорядка в мирное время. Если в пер-

вом случае оно обусловлено стремлением получить военное преимущество путем уничтожения живой силы противника, то во втором выступает методом реализации правозащитной функции государства, будучи направленным на нейтрализацию правонарушителя, а не на его уничтожение.

В докладе, подготовленном Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека «Права человека, терроризм и борьба с терроризмом. Изложение фактов», подчеркивается: «Для того чтобы считаться законным, применение смертоносной силы всегда должно согласовываться с принципом необходимости и осуществляться в целях самообороны или защиты жизни других людей. При этом всегда должен соблюдаться принцип соразмерности и, по возможности, использоваться не предполагающая лишения жизни тактика ареста или превентивных действий» [9].

В России деятельность по уничтожению террористов может осуществляться в правовых рамках, установленных рядом законов: Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» [8], федеральными законами: «О противодействии терроризму» [7], «О полиции» [6], «О внутренних войсках МВД РФ» [5]. Причем в подавляющем большинстве случаев пресечение террористической деятельности осуществляется в условиях одного из особых правовых режимов: режима контртеррористической операции или режима чрезвычайного положения.

Ни в одном из названных законов не говорится о наделении субъектов противодействия террору какими-либо исключительными полномочиями в отношении действий по ликвидации террористов. Напротив, в законе «О чрезвычайном положении» отмечается, что «установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации порядок и условия применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники изменению в условиях чрезвычайного положения не подлежат». А неправомерное применение физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники лицами, обеспечивающими режим чрез-

вычайного положения, влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством РФ [8].

Аналогичная позиция законодателя отражена и в законе РФ «О противодействии терроризму». Правомерным признается лишение жизни лица, *совершающего террористический акт* (выделено мною. – Н. К.), действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством РФ [7]. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что законом не предусмотрено уничтожение человека, совершившего преступление или осуществляющего приготовление к нему.

Анализируя метод «точной ликвидации», применяемый в мирное время, с позиции прав человека, можно выявить еще одну из его уязвимых сторон. Речь идет о нарушении важнейшего правового принципа – презумпции невиновности. На наш взгляд, значимость данного принципа позволяет вывести его за рамки уголовно-процессуальных отношений и признать за ним статус универсального, лежащего в основе правового статуса личности. В условиях «точной ликвидации» этот принцип фактически трансформируется в принцип презумпции виновности. К тому же ценность жизни девальвируется, поскольку государство, осуществляя преследование террориста, готово применить только один из видов уголовных санкций – смертную казнь.

Представляется верным вывод о том, что борьба с терроризмом должна быть беспощадной, однако очень важно, чтобы она не приняла форму произвола со стороны государства. Эффективность применения жестких мер очевидна. Это обстоятельство существенно повышает степень тяготения государства к ним, так как все иные ненасильственные методы явно проигрывают, не выдерживая конкуренции с насилием. «Привыкание» к ликвидации как простому способу решения сложной проблемы наступает быстро и безвозвратно.

Несмотря на то что борьба с терроризмом сама по себе этически оправдана, она не может вестись методами, вступающими в открытую конфронтацию с содержанием важнейших прав человека. Важно, чтобы средства достижения цели не опорочили саму цель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/terrorism/strategy-counter-terrorism.shtml>. – Загл. с экрана.

2. Дополнительный Протокол № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Женева, 8 июня 1977 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm>. – Загл. с экрана.

3. Дополнительный Протокол № 2 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов. Женева, 8 июня 1977 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb31.htm>. – Загл. с экрана.

4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>. – Загл. с экрана.

5. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации : закон Рос. Феде-

рации от 6 февр. 1997 г. № 27-ФЗ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>. – Загл. с экрана.

6. О полиции : закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>. – Загл. с экрана.

7. О противодействии терроризму : закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.garant.ru. – Загл. с экрана.

8. О чрезвычайном положении : федер. конституц. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>. – Загл. с экрана.

9. Права человека, терроризм и борьба с терроризмом. Изложение фактов № 32. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.Documents/Publications/Factsheet32ru.pdf>. – Загл. с экрана.

10. Резолюция 61/173 : принята Ген. Ассамблеей ООН [по докл. Третьего комитета (A/61/443/Add.2 и Corr.1)] «Внесудебные, суммарные и произвольные казни». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/cgi-in/texis/vtx/refworld/rwmain/opendocpdf>. – Загл. с экрана.

**“TARGETED KILLING” AS A COUNTER-TERRORISM METHOD:
ETHICAL AND LEGAL TREATMENT**

Kalchenko Natalia Viktorovna

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Department of Theory of Law and Human Rights,
The Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry
kalchenko_nv@mail.ru
Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article reveals the essence of “targeted killing” as one of the methods to counteract terrorism, which is differently assessed by the world community. The author makes an attempt to analyze its ethical aspect, estimates this method in accordance with international and Russian law.

Key words: counteracting terrorism, “targeted killing”, human rights, international armed conflict, subject of counter-terror.